

Для цитирования: Писарев, А. А.
Самозапрет в контексте субъективации:
человек, техника и злокозненный гений /
А. А. Писарев // Социум и власть. — 2026. —
Т. 23, № 1. — С. 9–21. — EDN XYSMJP.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

EDN XYSMJP
BAK 5.7.7
УДК 130.2

САМОЗАПРЕТ В КОНТЕКСТЕ СУБЪЕКТИВАЦИИ: ЧЕЛОВЕК, ТЕХНИКА И ЗЛОКОЗНЕННЫЙ ГЕНИЙ

Писарев Александр Александрович,

Институт философии РАН,
младший научный сотрудник,
Москва, Россия.
SPIN 9892-1453
ORCID 0000-0003-4261-1275
Scopus 57194016344
Researcher 5438-2018
E-mail: alex-pisarev@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу механизма самозапрета на кредиты и займы, введенного в действие в России в 2025 году, как элемента субъективации. Во введении очерчивается современный поворот в истории понятия субъекта, связанный с переносом его проблематики в междисциплинарное поле на стыке философии, социальных наук и истории науки. Автор кратко характеризует подход, используемый здесь для исследования субъекта. Предмет понимается как историчное образование, реализуемое индивидами в практиках и знании. В фокусе внимания исследователей — субъективация как формирование субъекта и ее разные модели, реконструируемые на эмпирическом материале. Автор исходит из предположения, что самозапрет может работать как элемент такой субъективации. В основной части дается краткое описание механизма самозапрета, введенного как средство борьбы с кибермошенничеством, приводятся причины этой ситуации, прежде всего высокий уровень цифровизации финансовых процессов и доступность баз данных. В первом

приближении самозапрет призван формировать субъектов, несущих ответственность за свое благосостояние и осознанно принимающих решения. Далее этот механизм сопоставляется с эпистемической добродетелью механической объективности. Показывается, что в обоих случаях речь идет о недоверии к субъекту, отказе от воли и обращении к технике для решения этической проблемы. Однако в случае самозапрета отсутствует работа над собой, она замещается техническим механизмом, а сомнение направлено как внутрь, на способность субъекта опознать угрозу кибермошенничества, так и во-вне, на медиа и в целом ситуацию. Это сомнение осмысляется при помощи медиа-онтологического подозрения (Б. Гройс), фигуры злокозненного гения (Декарт) и принципа предосторожности (Ф. Эвальд). Сделан вывод, что самозапрет работает как этический инструмент самопомощи и саморегуляции, поскольку позволяет вернуть контроль над своей жизнью. При этом субъекта следует понимать в категориях распределенности или сети, поскольку с принятием самозапрета он как техническая и управленческая структура становится функциональной частью субъекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

субъективация,
этика,
самозапрет,
кибермошенничество,
субъект,
человек,
техника,
данные

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Автор заявляет о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила: 30.11.2025

Рецензии получены: 26.01.2026

Принята к публикации: 10.02.2026

Права: © Писарев А. А. (2026).

Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Введение

В статье 2020 года «Пустое место: теоретические эмуляции субъекта» Ирина Дуденкова сравнила концептуальную историю понятия субъекта с мыльной оперой из-за характерной для нее дробности, множественности и рваности сюжетных линий, драматических смертей и воскрешений персонажей [12, с. 40]. У субъекта действительно непростая история, истоки которой уходят в античную метафизику, а настоящее смутно и неопределенно. Значимой вехой в этой истории была дискуссия, организованная в конце 1980-х годов философом Жан-Люком Нанси. Он предложил ведущим французским мыслителям (среди них Ален Бадью, Жак Рансьер, Этьен Балибар, Жан-Люк Марион, Эмманюэль Левинас) поразмышлять о том, какой концептуальный строй или персонаж приходит на смену субъекту. Вопрос был мотивирован общим контекстом европейской философии предшествующих десятилетий. В ней резкой критике и даже разоблачению были подвергнуты как трансценденталистская программа, которой преимущественно и принадлежало понятие субъекта, так и понятие человека, об историчности и грядущей смерти которого объявил Мишель Фуко в 1966 году [16, с. 325–363]. Итогом дискуссии стал номер журнала *Toroi*¹ и ставший известным и влиятельным сборник «Кто идет после субъекта?» [29]. Один из материалов этой дискуссии — беседа Деррида и Нанси. В ходе беседы Деррида, указывая на дискретность истории субъекта и на то, что это имя было ответом на разные вызовы и проблемы в зависимости от эпохи и даже автора, выдвигает предположение: «а что если “субъект”, не будучи “ликвидированным”, все-таки оказался реинтерпретированным, смещенным, децентрированным, заново вписанным в другой контекст? И тогда: 1) что происходит с проблематиками, которые предполагают классическое определение субъекта (научную и другую объективность, этическую, правовую, политическую и т. д.), и 2) кто или что “отвечает” на вопрос “кто?”» [10, с. 15].

Во многом вслед за Деррида (и это генеалогическое «вслед»), приложившим много усилий к деконструкции границ философии и разоблачению ее претензий на власть, одно из направлений такого смещения, децентрации и вписывания в новый контекст связано с прагматизацией понятия субъекта на междисциплинарной территории на стыке философии, социологии, антропологии, исследований науки и техники, истории науки и исследований гвернаментальности. Это поле формируется под влиянием ряда теоретических инноваций, прежде всего диффузного практического поворота, происходившего в философии и социальных и гуманитарных

науках всю вторую половину XX века. Он означал переключение внимания со структур, текстов и высказываний на практики и телесность как конститутивные основания [5]. Вследствие этого вопрос о субъекте оказался привязан к исследованию того, на основании каких практик и какого знания о человеке происходит формирование субъекта — субъективация. Этот процесс происходит всю жизнь и не предполагает завершения. Разные комплексы практик и знаний — разные модели субъекта. Эти практики могут в духе позднего Фуко пониматься как техники заботы о себе или (само)управления. Они входят в состав этики, понятой как тип отношения, устанавливаемого индивидом с самим собой, или же как «способ конструирования индивидом себя в качестве морального субъекта своих действий» [19]. Морализация происходит из вовлечения нормативного аспекта — каким субъектом становиться? Субъект формируется на пересечении того, как мы управляем собой, и как управляют нами. Поэтому здесь проблематизация субъекта разворачивается в пространстве, задаваемом координатами власти, этики, знания и техники.

В этом междисциплинарном поле понятия субъекта и субъективации — одни из центральных. Это уже не философский субъект: он реконструируется в ходе эмпирического исследования конкретных практик и дискурсов, производимых и распространяемых в различных обществах, исторических и современных. Такие модели субъекта через различные каналы транслируются индивидам всевозможными инстанциями — образовательными учреждениями, популярной культурой, государственными службами, научной популяризацией, психотерапией, социальными сетями, медициной. Эти модели усваиваются индивидами для описания себя и своих действий, для предъявления себя другим и понимания других. Проект исследования так понятого субъекта — это попытка — возможно, обреченная на провал — угнаться за ускоряющейся современностью: задача, с которой сегодня явно не справляется философия [3].

Это исследовательское поле вовсе не чуждо контексту и предпосылкам французской дискуссии, поскольку в нем активно используются идеи Фуко, но также позднего Витгенштейна, Вебера и других философов. Для этого поля релевантна идея Фуко о «смерти человека», поскольку она вводит, во-первых, историчность любых форм субъективации, во-вторых, зависимость этих форм от форм знания, в особенности научного знания. Кроме того, для исследователей важны идеи заботы о себе [20], этики, генеалогии, биополитики, управления и гвернаментальности. В этом плане данное исследовательское поле следует желанию Фуко, чтобы его книги использовали как ящики с инструментами.

¹ Topoi. 1988. Vol. 7. No 2: Who Comes After the Subject? / J.-L. Nancy (ed.).

Часть моделей субъекта, изучаемых здесь, связаны с совершаемой в некоторых интерпретациях научного знания редукцией личности к тому или иному объекту — психике, мозгу, генам, иммунитету или биохимическому обмену. Так, историки и социологи науки Франсиско Ортега и Фернандо Видаль на основе эмпирических исследований сформулировали модель церебрального субъекта, в которой личность отождествляется с мозгом [4; 27; 29]. Эта модель опирается на авторитет нейронаук, целый круг возникших благодаря ему новых дисциплин (нейроэтика, нейроэстетика, нейроэкономика) и практик (нейромаркетинг, нейробика). Множество инстанций транслируют нам идею того, что наша личность сводима к мозгу, который целиком детерминирует ее специфику. Эта модель субъекта начала формироваться во второй половине XVIII века в философии и уже к XX веку была присвоена молодой нейронаукой, а к концу столетия окончательно утвердилась в качестве ключевой современной модели, циркулирующей далеко за пределами нейронаук в модернизированных обществах. Другой пример, однако, тесно связанный с нейрологизацией человека и культуры, — психологический субъект, сформировавшийся в XX веке в ходе психологизации западных обществ (распространения психологического словаря самоописания и самопредъявления индивидов, психологических институтов, тренингов и литературы самопомощи) [21; 26] и складывания психотерапевтической культуры [17].

Вторая группа субъектов связана не с научными дискурсами, а с рациональностями и техниками управления, а также формами и практиками производства: неолиберальный субъект, постфордистский субъект, прекарный субъект и др. Например, неолиберальный субъект формируется неолиберальным управлением, ключевой ход которого — перенос логики конкуренции на нерыночные сферы (социальная сфера, культурное производство, природоохрана) [1; 7]. Такой субъект инструментализирует себя и мыслит в пределе любую свою деятельность на основе количественных показателей в терминах эффективности, и многие, если не все сферы рассматривает как квази-рынок.

Третья группа субъектов связана прежде всего с информационными технологиями — базами данных, устройствами и практиками селф-треккинга, ИИ. Например, информационный субъект, исследуемый Колином Купманом и зародившийся в 1920–1930-е годы, основан на формуле «Вы — это наши данные». Он реализуется во множестве повседневных практик самопонимания и самоуправления и техник управления, опирающихся на сбор, анализ и интерпретацию данных об индивиде [22; 23].

Эта статья посвящена осмыслению самозапрета на кредиты и займы — новому правовому инструменту, введенному в действие в России 1 марта 2025 года (Федеральным

законом от 26.02.2024 № 31-ФЗ были внесены правки в Федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ «О кредитных историях») Введение этого инструмента стало реакцией на размах деятельности кибермошенников, обманом бравших кредит на чужое имя. В фокусе внимания окажется возможный вклад самозапрета в субъективацию¹. Такой подход обусловлен тем, что этот инструмент, хотя он не предполагает в явном виде никакой работы над собой или саморефлексии, тем не менее затрагивает чувствительные зоны повседневного опыта, связанного с коммуникацией, и позволяет восстановить контроль над собственной жизнью, устранив из нее угрозу определенного типа. В этом плане самозапрет участвует в выстраивании отношения с самим собой. Для проявления этого его аспекта он будет сопоставлен с регулятивным идеалом механической объективности. Кроме того, для прояснения того, что устраняется самозапретом, будет очерчена экзистенциальная ситуация подозрения, в которой оказывается индивид под угрозой кибермошенничества.

Правовой инструмент самозапрета и предпосылки его введения

Самозапрет на кредиты и займы был создан как одна из мер безопасности в ответ на угрозы кибермошенничества (мошенничества, задействующего телефонную связь, СМС-сообщения, мессенджеры, электронную почту), принявшего огромные масштабы в последние годы. По оценке Сбербанка, в 2024 году граждане России потеряли из-за телефонных мошенников по меньшей мере 295 млрд рублей, а по итогам 2025 года эта сумма может вырасти

¹ Одна из теоретических трудностей таких подходов к субъекту состоит в том, чтобы осмыслить интерференцию разнонаправленных процессов субъективации, при которых индивид в разных ситуациях участвует в практиках и дискурсах, формирующих разные модели субъекта, к примеру, информационного и психологического, неолиберального и традиционного. Одна из крайностей, на которые могут сбиваться исследователи, состоит в умножении субъектов, когда каждый специфический дискурс или набор практик формируют свою модель субъекта. Для классического философского подхода это представляло бы фундаментальное противоречие, поскольку ситуация, в которой «в одном теле» несколько субъектов — это ситуация ненормальная. Между тем в жизни люди прибегают к разным моделям субъекта в зависимости от ситуации. При обсуждении самозапрета мы не столкнемся с этой проблематикой, поэтому не будем здесь в нее углубляться, однако следует заметить, что хотя он будет обсуждаться в контексте субъективации, это вовсе не означает, что самозапрет формирует собственную модель субъекта. Формирует собственную модель субъекта. Скорее он может присваиваться теми или иными моделями субъекта как механизм субъективации.

до 360 млрд¹. Согласно данным Банка России, в 2024 году 34 % граждан сталкивались с кибермошенниками, 9 % потеряли при этом деньги. В 70 % случаев теряли имеющиеся сбережения, а в 15 % — кредитные деньги. Наиболее пострадавшая группа — люди в возрасте 25–64 лет (вопреки расхожим представлениям, что главной мишенью являются пожилые люди, хотя число жертв среди них растет)². Преступники совершают в среднем 5–6 млн звонков в день, в 2024 году этот показатель составлял 8–10 млн, доходя на пике до 20 млн. Проблема кибермошенничества глобальна: согласно данным Global Anti-Scam Alliance, в 2023 году потери граждан по всему миру составили более \$1,03 трлн (вернуть свои деньги удалось лишь 4 % жертв), в некоторых развивающихся странах потери граждан составляют до нескольких процентов от ВВП (например, Пакистан — 4,2 %, Кения — 3,6 %)³.

Сценарии мошенников разнообразны и постоянно меняются, адаптируясь к обстоятельствам. Они могут приводить как к оформлению кредитов или займов на имя гражданина, так и к краже средств со счетов или добровольной передаче гражданами средств онлайн или наличными через курьеров⁴. Эта сфера стала ареной борьбы между провайдерами, банками и государством с одной стороны и киберпреступниками — с другой. Если одни разворачивают программы повышения осведомленности о киберугрозах и мерах кибербезопасности⁵, создают ограничивающие и контролирующие механизмы, то другие — осваивают новые технологии и техники социальной инженерии и психологического давления. Схемы мошенников становятся все более изощренными, в них используются достижения ИИ, утекшие в сеть базы персональных данных, кибершпионаж, информационная инфраструктура (центры обработки данных, операторы сотовой связи и интернет-провайдеры).

¹ Потери россиян от телефонного мошенничества вырастут на 15–20 % в 2025 году. 18 ноября 2025 // Frank Media. <https://frankmedia.ru/231849>

² Демографический портрет жертвы кибермошенников, а также статистику их действий ведет Банк России: Кибермошенничество: портрет пострадавшего // Банк России. https://www.cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/

³ International Scammers Steal Over \$1 Trillion in 12 Months in Global State of Scams Report 2024. Nov 7, 2024 // Global Anti-Scam Alliance. <https://www.gasa.org/post/global-state-of-scams-report-2024-1-trillion-stolen-in-12-months-gasa-feedzai>.

⁴ См. наиболее распространенные в 2025 году схемы мошенничества по месяцам: Мошенники 2025: популярные схемы по месяцам // Сбербанк. <https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/articles/top-aktualnykh-skhem-moshennichestva-za-god>.

⁵ См. например, специальный раздел сайта Сбербанка: Кибрарий. Источник знаний по кибербезопасности // Сбербанк. <https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary>

Масштаб и вредоносность кибермошенничества в отношении граждан — специфика сложившейся в России ситуации. Она обусловлена рядом факторов. Первый из них — характерный для России высокий уровень развития цифровых сервисов в сфере банковских и государственных услуг, который позволяет быстро и легко проводить многие операции дистанционно, через сайт или приложение. Бесшовность и скорость процессов играют на руку мошенникам, позволяя осуществить задуманное до того, как жертва что-либо заподозрит, и не привлекая внимание третьих лиц или официальных инстанций. Поэтому многие усилия государства и банков направлены на замедление и усложнение перевода средств или взятия кредита путем создания периодов охлаждения и дополнительных барьеров. Так, благодаря недавним нововведениям СМС-сообщение от «Госуслуг» не придет во время разговора на случай, если мошенники удерживают человека на линии, убеждая его сообщить код из смс для доступа к профилю на «Госуслугах». Перевод может блокироваться, если ему предшествовали переводы между счетами гражданина, направленные на аккумуляцию всех средств на одном счету, а адресат — подозрительный счет (базу таких счетов ведет Банк России). Кроме того, поскольку мошенники часто представляются сотрудниками банков, государственных учреждений или маркетплейсов, с 1 июня 2025 года, согласно № 41-ФЗ, представителям этих инстанций запрещено связываться с клиентами через иностранные мессенджеры.

Второй фактор — относительная доступность баз данных для кибермошенников. Сегодня разными инстанциями, государственными и частными, собирается колоссальное количество разнообразных данных об индивидах — об их здоровье, семейном положении, финансовом состоянии, имуществе, покупках, досуге, образовательной траектории, кругах общения и т. д. Защищать эти базы данных все труднее, они часто попадают в сеть и могут быть приобретены мошенниками. Вдобавок соцсети делают действия и среду многих индивидов еще более прозрачной. В совокупности это позволяет мошенникам быть весьма осведомленными (не менее осведомленными, чем те, кем они притворяются, — родственники, друзья, служащие банков, «Госуслуг» и МФЦ, чиновники) о жизни потенциальных жертв вплоть до подробностей и последних совершенных действий или жизненных событий, что облегчает манипуляции и обман. В этом смысле каким бы ни был субъект, формированию которого способствует самозапрет, это помимо прочего субъект информационный, для которого имеет смысл уравнение «Вы — это ваши данные». За каждым тянется цифровой след и на каждого создано множество профайлов, в которых аккумулируются данные. С точки зрения кибермошенников, потенциальная жер-

тва — набор данных, оснащенный психикой, которую надо «взломать», используя доступную информацию о человеке, чтобы получить доступ к ресурсам.

Кибермошенничество в силу своего характера и масштаба — это, развивая понятие Шошаны Зубофф, дикий или партизанский надзорный капитализм. Мошенники по-партизански эксплуатируют то, что является источником доходов компаний биг-теха, а именно поведенческий излишек как избыточные данные, извлекаемые из наблюдения за действиями пользователей¹.

Психологическая уязвимость и эмоциональная неустойчивость граждан — третий фактор. Пользуясь инструментами социальной инженерии, преступники добиваются от своих жертв не критического восприятия происходящего и необходимых им действий. Четвертый фактор — на руку мошенникам играет относительно невысокий уровень грамотности людей, особенно пожилых, в области кибербезопасности в целом пользования цифровыми гаджетами и платформами. И пятый фактор — государственное регулирование микрофинансовых организаций, способствовавшее снижению порога взятия микрозаймов.

В случае оформления кибермошенниками кредита на чужое имя человек не просто теряет средства, которые у него были, а оказывается должен, причем часто крупную сумму. При этом доказать, что человек действовал под влиянием мошенников, достаточно сложно. Для исключения таких сценариев и был создан механизм самозапрета на кредиты и займы. С 1 марта 2025 года в соответствии с Федеральным законом № 218-ФЗ любой гражданин РФ может установить в своей кредитной истории самозапрет на заключение договоров потребительского кредита или займа с кредитными или микрофинансовыми организациями. Никаких требований на входе нет — инструмент доступен в любое время, безусловно и по первому обращению на платформе «Госуслуги» или в офисах МФЦ. Можно установить полный самозапрет или частичный, то есть выбрать, на какие организации (кредитные или микрофинансовые) и способы заключения договора (дистанционные или любые) распространяется самозапрет. Информация о его установке распространяется по всем квалифицированным бюро кредитных историй, и механизм начинает действовать уже на следующий день. Теперь банки и микрофинансовые организации, обязанные предварительно проверять кредитную историю, будут отказывать в выдаче кредита или займа. Таким образом, исключается ситуация, в которой деньги на имя гражданина возьмет мошенник. Механизм самозапрета касается потребительских кредитов и займов, которые предполагают пе-

редачу денег самому человеку (поэтому в их случае наиболее вероятны мошенничества), и не касается ипотеки, автокредитов и образовательных кредитов. Самозапрет действует бессрочно. Снять его можно бесплатно, подав заявление, но за подачей следует период охлаждения на один календарный день. Этот срок необходим, чтобы «принять более взвешенное решение о необходимости получить заем или кредит» и «минимизировать возможность взятия кредита под давлением мошенников и предоставить потенциальному заемщику время для принятия осознанного решения о необходимости кредита»². Устанавливать и снимать самозапрет можно неограниченное количество раз. Работу этого инструмента обеспечивает обширная сеть управленческих и технических инфраструктур — банковская система, правовая система и государственные службы с их базами данных и дата-центрами, центрами обработки данных, коммуникационными платформами, серверами.

Самозапрет быстро приобрел популярность: в одной только Москве за первые шесть месяцев его установили 2.4 млн человек. Поскольку киберугроза не исчезнет в ближайшее время, можно ожидать, что установка самозапрета станет массовой практикой и культурным фактом. Тем более актуальным является осмысление этого правового инструмента в контексте его возможного влияния на индивидов.

От механической объективности к самозапрету: техника и отказ от воли

Активация самозапрета — конвенциональное ответственное решение, вписывающееся в представления государства, а теперь и общества об ответственном и добропорядочном отношении гражданина к самому себе, своему благосостоянию и близким, но также к своему решению о принятии самозапрета. Здесь индивид одновременно является субъектом воздействия (решение принадлежит ему и может быть им отозвано) и его объектом (на него накладывается ограничение исходя из его уязвимости). Его призывают конституировать себя при помощи самозапрета в качестве ответственного и контролирующего себя и свое благосостояние гражданина, то есть выстраивать вполне определенный тип отношения к себе. Государственные инстанции представляют самозапрет не только как инструмент борьбы с мошенничествами (это его главная задача), но и как способ повышения ответственности и осознанности граждан в отношении кредитования и займов³. Он усложняет процесс, увели-

² Самозапрет на заключение договоров потребительских кредитов (займов) // Банк России. https://cbr.ru/ckki/self-prohibition_credit/.

³ См., например, презентацию Банка России посвященную самозапрету: <https://cbr.ru/Content/>

чивая количество операций, промежуточных решений и время, которые нужны для того, чтобы взять кредит.

Помимо эксплицитного управленческого уровня и субъективации в качестве ответственного гражданина самозапрет затрагивает более глубокий уровень. Теоретическим фоном для подступа к дальнейшему осмыслению самозапрета в контексте субъективации послужит явление из совсем иной сферы и иного времени. Это эпистемическая добродетель механической объективности, распространенная во второй половине XIX — начале XX веков. Ее реконструировали на эмпирическом материале научной образности истории науки Лоррейн Дастон и Питер Галисон в своем фундаментальном труде «Объективность» [8, с. 182–364], посвященном рождению и закату объективности и других добродетелей научного познания. Подход Дастон и Галисона во многом вдохновлен работами позднего Фуко и Пьера Адо [8, с. 293], связавшими становление субъекта с материально-дискурсивными практиками, и в этом отношении их исследование принадлежит тому междисциплинарному полю, о котором шла речь выше. Исследователи переносят обсуждение моделей субъекта и субъективации на территорию нововременной и современной науки. Они задаются вопросом: что нужно было делать ученым, чтобы быть объективными? Иными словами, как становиться объективно познающими субъектами? Объективность обычно известна нам как свойство пропозиционального знания. Здесь же фокус переключается со знания как продукта ученых на их практическую познавательную деятельность, в частности производство и чтение научных изображений. Предмет исследования Дастон и Галисона — всевозможные научные атласы и иные компендиумы изображений, учебники, трактаты, дневники и автобиографии ученых. Как достигалась объективность при создании научных образов? Каким требованиям необходимо было соответствовать? В подходе исследователей объективность понимается как эпистемическая добродетель, которая выступает регулятивным идеалом и познания, и морального поведения, а в конечном счете конститутивным элементом особого типа субъекта. Стремиться к объективности как эпистемической добродетели можно только работая над собой и проходя определенный путь субъективации. Одним из главных факторов изобретения этой добродетели был прогресс техник наблюдения и визуализации, а предпосылкой заката — усложнение рабочих предметов науки, прежде всего появление технологий фотографии. Девизом научной объективности было «Пусть природа говорит сама за себя». Научное знание — и, в частности, научные образы — должно предъявлять природу такой, какая она есть сама по себе

Document/File/160559/press.pdf#page=2.00.

без каких-либо субъективных интерпретаций и вмешательств (упрощений или усовершенствований изображений ради наглядности и правильности).

В чем была новизна этого требования? Согласно Дастон и Галисону, предшествовавшая эпистемическая добродетель истины-по-природе, характерная для XVIII века, предполагала активную роль ученого в познании мира: благодаря силе памяти и синтезирующей способности он должен был усмотреть за изменчивым эмпирическим многообразием (экземпляров биологического вида, физического объекта или случаев явления) единый архетип или инвариант. Идеализирующее вмешательство, таким образом, было добродетелью и приветствовалось. Изображалась, по сути, идея, синтезированная в представлении ученого.

В противовес этому идеал объективности опирался на недоверие к субъективности ученого и доверие к беспристрастности техники и голосу природы. Любое вмешательство в изображение, любая проекция необузданной воли на природу считались пороком. Сблазн эстетичности, привлекательных теорий, схематизации, антропоморфизации и упрощения был всегда, уступка ему могла случиться и *помимо* воли ученого, поэтому под подозрением оказывалась его человеческая субъективность в целом как ненадежная и склонная к (само)обману и чересчур вольному воображению. Человек как посредник между природой и ее репрезентацией вызывал сомнения, отсюда обращение к механическому производству изображений. «Там, где ослабевает человеческая самодисциплина, на первый план выходят машины или человеческие существа, действующие как безвольные машины» [8, с. 190].

В концептуальном плане соответствующая механической объективности модель субъекта опирается на разграничение субъективного и объективного, в современном его смысле, сформировавшееся в XIX веке и восходящее к Канту с его противопоставлением «объективной значимости» и «всего лишь субъективного». В самом общем виде объективное — это то, что существует вне субъекта, общезначимо и доступно благодаря познанию, а субъективное — внутреннее, психологичное, индивидуальное и изменчивое, случайное и ненадежное.

Ученый мог надеяться достичь объективности лишь став автоматом — следуя заранее и тщательно установленным правилам познавательных процедур, которые избавляли технически опосредованное познание от потенциальных проявлений субъективности. Захватившая науку к концу XIX века механическая объективность — это «настойчивое стремление обуздать своевольное вмешательство автора-творца и поставить на его место набор процедур, которые, так сказать, перене-

сут природу на бумагу если не автоматически, то в соответствии со строгим протоколом» [8, с. 190]. В рамках этого регулятивного идеала воспитывался и специфический субъект, аскетичный по своему характеру. Позволить природным объектам запечатлеться на листе бумаги оказывалось возможно в той мере, в какой сдерживался порыв ученого к вмешательству. «Объективный» взгляд должен был видеть только то, что есть, не вводя себя в обман субъективными манипуляциями и интерпретациями. В этом отношении машины были образцами добродетельного познания, ведь регистрировали только то, что есть, были неумолимы и терпеливы, не подвержены обману и самообману. Они помогли там, где воля терпела неудачу. Человеку же необходимо было не позволить собственной слишком человеческой природе обмануть себя, и путем к этому был, по сути, *волевой отказ от воли* под контролем бдительной совести. «Вместо свободы воли машины предлагали свободу от воли» [8, с. 193]. Регистрирующая техника вроде фотоаппаратов или рентгеновских аппаратов позволяла делегировать ей производство изображений, а самим ученым — смиренно следовать установленному протоколу.

Таким образом, в основе механической самости лежал технически опосредованный самоконтроль и отказ от скомпрометировавшей себя воли и субъективности, стремление к автоматичности. Таково было наставление, адресованное учеными самим себе: подавлять воображение, желания и соблазны вмешательства, дисциплинировать и совершенствовать волю. Это требовало регулярной и тяжелой работы по подавлению своей субъективной сущности, отсюда множество практических техник самоотвержения. Это не было только техническим моментом, но морализировалось, ведь речь шла о соответствии ценностям научного познания. Недостаток дисциплины свидетельствовал о порочности — потакании желаниям, нетерпеливости, пристрастном отношении к своим идеям, в конце концов интеллектуальной нечестности. Объективное видение, следовательно, требовало и внешних, технических процедур, и внутренних, моральных состояний. Принципиальный акт, соединявший в себе познание и мораль, эпистемологию и этику. Обуздать искушение, сдерживать себя, делегировать технике регистрацию природы и тем самым дать последней голос. На материале множества практик и суждений ученых о собственной деятельности и природе науки Дагстон и Галисон показали, как к концу XIX века сформировался новый тип субъекта и ученого — неумолимый и скромный труженик, контролирующий проявления своей природы и жертвующий своей самостью ради голоса природы, фиксируемого техникой [8, с. 336–338].

Сравнение с механической объективностью как элементом субъективации позволит

подсветить нужные аспекты самозапрета. Эти идеи объединяет недоверие к субъективности и вытекающий из него опосредованный техникой отказ от воли в определенных контекстах и во избежание угроз. И там, и там есть болезненная зона, в которой субъективность рискует проявить свою слабость и поддаться соблазну поверить собственным представлениям во взаимодействии с внешним миром, что чревато (само)обманом и негативными последствиями (искаженным знанием в одном случае, материальными и эмоциональными потерями — в другом). Необходимо ограничить субъекта в этих зонах, и это ограничение в обоих случаях технически опосредовано. Но есть существенные расхождения.

Во-первых, если субъект механической объективности берет на себя моральное обязательство по самодисциплинированию и прилагает серьезные усилия, чтобы уподобиться машине и одновременно уступить ей место в регистрации природы, то субъект самозапрета фактически отказывается от эксплицитной работы над собой, возможно, поскольку такая работа представляется неэффективной и рискованной тратой сил и времени (и она точно представляется безнадёжной государству, которое решает проблему в масштабах населения и не может полагаться на индивидуальные усилия как часть решения). Он делегирует технике решение своей проблемы с волей и использует технику (а не свою волю) как блок для определенного типа негативных последствий кибермошенничества. Место самодисциплинирования занимает внешнее дисциплинирование человека техникой. Вместо этого он мог бы работать над совершенствованием коммуникативных и рефлексивных навыков и бдительности, чтобы научиться распознавать мошенничество. Однако вопрос закрывается радикально-техническим механизмом самозапрета. «Само-» достигается автономным или гетерономным решением, и далее воспроизводится техникой, а не в процессе работы над собой. Тоже происходит отказ от воли, но вовсе не волевой. На фоне субъекта механической объективности субъекту самозапрета явно недостает направленного на себя и продолжительного морального усилия, существенного для формирования субъекта. Это ставит под вопрос связь самозапрета с субъективацией.

Во-вторых, в случае самозапрета сомнение направлено не только на субъекта, но и на мир (механическая объективность, напротив, опирается на доверие к миру). В этом, вероятно, состоит специфика именно этого вида самозапрета. Например, 28 мая 2025 года Госдумой принят в первом чтении законопроект самозапрета на ставки, который предусматривает механизм добровольного отказа граждан от участия в азартных играх (в залах игровых автоматов, букмекерских конторах, тотализаторах, казино). Аналогичный правовой ин-

струмент действует во многих странах¹. Он мотивирован скорее сомнением в надежности субъекта — его слабой волей и склонностью к наживе, а в пределе к лудомании, — чем сомнением в мире или внешних субъекту инстанциях. В случае же субъекта самозапрета под подозрением оказывается как его способность распознать обман и выдержать психологическое давление, так и сами медиумы дистанционной коммуникации — телефонная связь и интернет.

Техника против злокозненного гения

Здесь пригодится предлагаемое Борисом Гройсом феноменологическое различие медиальной поверхности и субмедиального пространства. Поверхность медиума несет на себе знаки — это тот интерфейс, с которого мы считываем сообщение, например, звук в случае аудиосвязи, поверхность листа или экрана. За поверхностью скрывается принципиально недоступное, но предполагаемое субмедиальное пространство, и оно — пространство подозрения *par excellence* [6, с. 25].

«Перед лицом медиа мы всегда осознаем скрытое присутствие субмедиального пространства, но, пока мы заняты рассмотрением медиальной поверхности, это пространство нами, так сказать, структурно не просматривается. Это неизбежно наводит на подозрение, что в тени субмедиального пространства находится таинственный манипулятор, посредством целой машинерии различных медиальных носителей и каналов продуцирующий знаковый слой на медиальной поверхности, функция которого состоит лишь в том, чтобы в дальнейшем служить для него прикрытием. Весь спектакль знаков должен поэтому переживаться зрителем как притворство, ложь, дезориентация — причем независимо от значения отдельных знаков, образующих этот знаковый слой» [6, с. 43].

Медиум что-то показывает или дает услышать, но кто или что показывает и зачем? По Гройсу, в этом темном пространстве подозревается опасная субъективность, поскольку она всегда остается невидимой по ту сторону своих проявлений, никогда не возникает как знак на медиальной поверхности. Этот субмедиальный субъект манифестирует себя посредством смутной угрозы, смущения, неуверенности, тревоги, испытываемых перед медиальной поверхностью. Не такова ли ораспространенная, сформированная новостями, слухами и опытом установка по отношению к сообщениям в мессенджерах и телефонным звонкам, за внешней нормальностью и привычностью которых может скрываться чужая, угрожающая

воля и злой умысел? Кибермошенничество активирует и усиливает медиальное подозрение. Голос, идентичность и осведомленность можно сфабриковать. Подлинность сообщения оказывается в кризисе. Медиа-онтологическое подозрение не преодолеть и не опровергнуть окончательно, поскольку субмедиальное пространство недоступно (что компенсируется конспирологическими теориями). Однако не только оно конститутивно для ситуации, в которой оказывается субъект, стоящий перед выбором самозапрета.

Медиа-онтологическое подозрение входит в состав сомнения более всеобъемлющего, охватывающего и недоверие к субъекту, и здесь мы возвращаемся к истокам нововременной подозрительности в методическом сомнении Рене Декарта [11, с. 157–194]. В «Размышлениях о первой философии» Декарт ищет основание для достоверного знания, и на этом пути подвергает испытанию сомнением все, что можно знать благодаря чувствам и разуму. Моментом предельной радикализации сомнения становится гипотеза о существовании некоего могущественного злокозненного гения, который систематически обманывает нас во всем вплоть до истин логики и математики.

«Итак, я сделаю допущение, что не всеблагой Бог, источник истины, но какой-то злокозненный гений, очень могущественный и склонный к обману, приложил всю свою изобретательность к тому, чтобы ввести меня в заблуждение: я буду мнить небо, воздух, землю, цвета, очертания, звуки и все вообще внешние вещи всего лишь пригрезившимися мне ловушками, расставленными моей доверчивости усилиями этого гения; я буду рассматривать себя как существо, лишённое рук, глаз, плоти и крови, каких-либо чувств: обладание всем этим, стану я полагать, было лишь моим ложным мнением; я прочно укореню в себе это предположение, и тем самым, даже если и не в моей власти окажется познать что-то истинное, по крайней мере, от меня будет зависеть отказ от признания лжи, и я, укрепив свой разум, уберегу себя от обманов этого гения, каким бы он ни был могущественным и искусным. Однако решение это исполнено трудностей, и склонность к праздности призывает меня обратно к привычному образу жизни. Я похож на пленника, наслаждавшегося во сне воображаемой свободой, но потом спохватившегося, что он спит: он боится проснуться и во сне размягчённо потакает приятным иллюзиям» [9, с. 20].

Если допускается существование злокозненного гения, то мы обречены непредсказуемо заблуждаться в своих коммуникациях с миром и собой, ведь разум побуждает нас соглашаться с создаваемой этим существом ложной достоверностью, воспринимаемой ясно и отчетливо. Это поднимает проблему непросчитываемого и непредсказуемого ри-

¹ Самоограничение от ставок в России вот-вот утвердят. А как это устроено в мире? 30 мая 2025 // Sports.ru. <https://www.sports.ru/betting/industry/blogs/3323279.html>.

ска, что то, что мы считали безопасным, достоверным, очевидным, окажется ложью. Иными словами, злокозненный гений создает у нас ложную успокоенность, уверенность в себе и в происходящем, в том, что все именно то, чем кажется. Отметим, что самоотчеты многих людей, обманутых кибермошенниками, свидетельствуют о том, что происходящее казалось несомненным, не было ни малейшего сомнения, что звонит именно тот, кем человек на другом конце провода представляется, а происходит именно то, что этим человеком описывается.

Фигуру злокозненного гения перенес в социальную философию и онтологизировал Франсуа Эвальд, ученик и коллега Мишеля Фуко, занимавшийся исследованиями рисков рациональности и страхования. Он сформулировал *принцип предосторожности* [24, р. 282–289], согласно которому следует исходить из худшего и необратимого сценария развития ситуации, как если бы в каждой ситуации скрывался злокозненный гений, способный запустить этот сценарий. Поэтому нужна *активная* работа сомнения: я должен спрашивать себя не только о том, что я знаю и что от меня зависит, но и чего я не знаю, чего боюсь и что подозреваю — в себе или вовне. В таком случае науки становятся источником не столько знания, сколько сомнений. Этот принцип идет вразрез с принципом безопасности, который тоже предлагает вариант управления тем, что еще не случилось, но допускает, что можно обезопаситься от худшего сценария, приняв меры. Безопасность предполагает, во-первых, существование достоверного знания (скажем, о природе инфекции или катастрофы), во-вторых, определенность отношений между причинами и следствиями. Принять принцип предосторожности, напротив, означает жить со злокозненным гением, а не устранять его, причем касается это как мира, так и самого субъекта. По Эвальду, этому соответствует скептическая этика: она подвешивает достоверное знание, поскольку во внимание следует принимать все гипотезы и интерпретации, даже самые сомнительные и маргинальные — возможно все, доверять нельзя ничему [24, р. 288–289]. Следует принимать во внимание все то, что только возможно вообразить, чего можно страшиться, о чем мечтать, подозревать, допускать. Такая этика блокирует работу над собой, поскольку такая работа предполагает опору на то или иное знание и доверие к собственной субъективности. Что толку прилагать усилия, если изощренность злокозненного гения не знает границ? Распространенность принципа предосторожности подпитывается тем, что риск стал категорий повседневного мышления индивидов в западных обществах, а также давлением медиа, навязывающих «мгновенный ревизионизм», который сметаet едва сформулированные официальные версии

и факты конспирологическими опровержениями [14. с. 34]. Всюду двойное дно, за которым зияет ничто подозрения.

Такая ситуация болезненна для человека, поскольку может быть сопряжена с ощущением неуверенности, страха и уязвимости перед трудно опознаваемой, но реальной угрозой, неизменно сопровождающей каждый звонок и цифровую коммуникацию. Потеря доверия к рутинным вещам сильно подрывает и качество жизни, и психическое благополучие. Жить с принципом предосторожности сложно. Ощущение потери контроля над происходящим в собственной жизни сопряжено с риском потери субъектности: как быть автором своих действий в мире, где действует злокозненный гений и все может оказаться не тем, чем кажется, а последствия непредсказуемы?

Самозапрет может быть понят как способ выйти из этой ситуации. Он позволяет избежать активной работы сомнения тем, что исключает по меньшей мере один класс худших сценариев — кредиты и займы, взятые на имя индивида. Сюда злокозственному гению путь заказан. Даже если на другом конце провода окажется мошенник, это не обернется бедой. В таком случае самозапрет работает как этический и субъективирующий инструмент, если мы понимаем этику как выстраивание определенного типа отношения к себе. Это средство самопомощи и обращения со своей уязвимостью и сомнением, позволяющее взять свою жизнь под контроль в отношении класса потенциально опасных ситуаций. Субъектность и руководство собой — одна из центральных моральных проблематик — частично восстанавливаются за счет делегирования технике устранения субъективной тревоги и объективной опасности. Несмотря на то, что это «отказ от воли», передающий технике функцию защиты, которую можно было бы реализовать за счет работы над своими качествами, это все еще работа над собой, если не сводить субъекта к его психике или внутренним состояниям в целом и не субстанциализировать, а понимать его как реляционное образование. В этом случае он не ограничен пределами человеческого сознания или тела: будучи комплексом отношений, он включает в себя технические артефакты, которые выполняют в нем те или иные когнитивные функции, как в случае экстернализации памяти в блокнотах и электронных заметках. Мы лучше поймем такой гибридный характер субъекта, если будем понимать его как распределенного в социокультурных системах¹ или как разнородную сеть, подключен-

¹ По аналогии с распределенным познанием, идею которого сформулировал Эдвин Хатчинс [25]. Энди Кларк и Дэвид Чалмерс развили ее в ставшую более известной концепцию расширенного разума, согласно которой в формировании ментальных состояний участвует не только мозг, но и внешние объекты [13].

ную через самозапрет к «внешним» элементам вроде техники, государственных служб, банковской и коммуникационной систем, правовой системы. Самозапрет как управленческая и техническая конструкция становится функциональной частью принимающего его субъекта, которая помогает ему держать свою жизнь под контролем и избегать некоторых угроз. Субъективация выходит за пределы сознания, психики и тела. Занимаясь субъективацией себя или других, мы занимаемся — в терминах Джона Ло — *гетерогенной инженерией*, сопрягая в относительно единой и стабильной сети разнородные элементы. «Стабильность и форма артефактов [субъектов] должны рассматриваться в качестве функции взаимодействия гетерогенных элементов, определяемых и ассимилируемых сетью» [15, с. 174]. Субъект является таким артефактом.

Попытки теоретизации субъекта или ментальной системы, которые включали бы в себя разнородные «внешние» элементы помимо традиционных «внутренних» (сознания, разума, тела), были уже в кибернетических исследованиях. С точки зрения кибернетического подхода, опирающегося на идеи петли обратной связи и информации как трансформации различия, выделение мозга или сознания в качестве особой части субъекта, а всего остального — как внешних дополнений, глубоко ошибочно, поскольку информационный контур субъекта как действующей системы включают в себя все, через что проходит информация в процессе действия. Так, Грегори Бейтсон в 1971 году пишет: «Целостная самокорректирующаяся система, которая обрабатывает информацию (или, как говорят, «думает», «действует» и «решает») — это система, чьи границы отнюдь не совпадают с границами тела либо того, что в обиходе зовется «Я» или «сознанием» [...] не ограничена поверхностью кожи, но включает все внешние пути, по которым может двигаться информация» [3, с. 251–252]. Важным становится понятие среды как поля возможностей и ограничений для действия. Вероятно, кибернетический подход отчасти предвосхитил практический поворот с его вниманием к активности и сети отношений с разнородными элементами, которая в ней скрывается. Если статичное различие внутреннее-внешнее подвешивается и деконструируется, то самозапрет как строчка в информационном профиле индивида на сервере кредитных бюро, трансформирующая его финансовые возможности и обезвреживающая определенный класс кибермошенничества, тем самым обеспечивая ему определенное эмоциональное качество жизни и безопасность, является частью этого индивида как субъекта. Если он оказывается обманут кибермошенниками, то произведенное ими различие далее следует по цепи субъекта как системы и активирует самозапрет, который оставляет злоумышленников ни с чем, сохраняя жизнь субъекта под его контролем.

Заключение

Правовой инструмент самозапрета был введен в действие весной 2025 года и его эффекты и следствия еще предстоит осмыслить. Он становится возможным, поскольку каждый из нас является в том числе информационным субъектом, который удваивается в своих профайлах в базах данных и подключен к цифровым платформам. В первом приближении этот инструмент проявляет двойственный характер. С одной стороны, самозапрет ориентирован на формирование ответственного и осознанного субъекта, способного управлять своими финансовыми ресурсами и возможностями, соблюдая автономию воли. Это индивидуальная ответственность. В этом плане самозапрет встает в один ряд с другими инструментами государственного производства индивидуального субъекта. С другой стороны, ситуация угрозы кибермошенничества специфична трудной опознаваемостью обмана, а потому сопряжена с сомнением, направленным как вовне, так и внутрь субъекта. Это сопряжено с ощущением уязвимости и ненадежности всего: рутинная коммуникация может обернуться кошмаром, и доверять нельзя ни звонкам, ни себе. Если есть худший сценарий, то опасаться следует именно его. Самозапрет позволяет индивиду взять свою жизнь под контроль, устранив определенный тип угрозы. Это инструмент самопомощи и саморегуляции. Условием возвращения контроля, то есть субъектности как способности быть подлинным автором своих действий, становится техника, которая тем самым включается в субъективацию. Она вносит вклад в структурирование свободы субъекта как поля его возможностей и ограничений.

Одно из направлений дальнейшей работы с темой самозапрета может быть связано с его анализом в качестве тенденции, а не только единичного случая. Что если в качестве технико-юридического механизма (само)регуляции он станет прецедентом и будет перенесен в другие медиа-коммуникативные контексты, в которых субъект сталкивается с трудностью распознавания обмана, чреватой негативными последствиями, то есть со злокозненным гением? Или даже в любые иные контексты? Если вместо когнитивного и морального улучшения себя как реакции на сложные ситуации субъект станет чаще прибегать к технологическому (само)улучшению, то характер субъективации может измениться. Помимо зависимости субъекта от инфраструктур это может изменить самоуправление: морально-волевые усилия по сдерживанию нежелательных действий, самодисциплинированию и ориентации в рисках будут делегированы техническим инструментам. Отказ от воли, который стал бы рутинным. Вместо регулярный усилий работы над собой — вспышки автономных или гетерономных ре-

шений о самозапрета. Как могло бы выглядеть (само)формирование субъекта и руководство поведением при наличии технического буфера, отделяющего от потенциально любых угроз?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алымов, С. С. Активизация «Человеческого фактора»: «Застойные» корни неолиберальной субъективности? / С. С. Алымов // Антропологический форум. — 2018. — № 37. — С. 53–92. — DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-54-92. EDN: XQVTJZ.
2. Афанасов, Н. Ускоренная рефлексивность — депрессивная социальность / Н. Афанасов // Логос. — 2023. — Т. 33. — № 6. — С. 1–27. — DOI: 10.17323/0869-5377-2023-6-1-25. — EDN: RVUTFI.
3. Бейтсон, Г. Кибернетика «Я»: теория алкоголизма / Г. Бейтсон // Он же. Экология разума. Избр. эссе по антропологии, психиатрии и эпистемологии. — Москва: Смысл, 2000. — ISBN: 5-93409-005-7.
4. Видаль, Ф. Церебральность и антропологический тип современности / Ф. Видаль // Социология власти. — 2020. — № 2. — С. 208–247. — DOI: 10.22394/2074-0492-2020-2-208-247. — EDN: FMBVUI.
5. Волков, В. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. — СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — ISBN: 978-5-94380-078-8. EDN: YWCDGG.
6. Гройс, Б. Под подозрением. Феноменология медиа / Б. Гройс. — М.: Художественный журнал, 2006. — ISBN: 5901116143.
7. Дардо, П. Неолиберализм и капиталистическая субъективация / П. Дардо, К. Лаваль // Логос. — 2011. — № 1. — С. 103–117. — EDN: RKKUAO.
8. Дастон, Л. Объективность / Л. Дастон, П. Галисон. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — ISBN: 978-5-4448-0932-7. — EDN: PIXKTY.
9. Декарт, Р. Размышления о первой философии / Р. Декарт // Сочинения : в 2 томах. Т. 2. — М.: Мысль, 1994.
10. Деррида, Ж. Кто приходит после субъекта / Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси // Художественный журнал. — 2020. — № 115. — С. 12–33.
11. Дмитриев, Т. А. Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта / Т. А. Дмитриев. — М.: ИФ РАН, 2007. — ISBN: 978-5-9540-0064-1. — EDN: RYRYBL.
12. Дуденкова, И. Пустое место: теоретические эмуляции субъекта / И. Дуденкова // Логос. — 2021. — № 3. — С. 39–48. — DOI: 10.22394/0869-5377-2021-3-39-47. — EDN: GAXGRH.
13. Иванов, Д. В. Экстернализм и теория расширенного сознания / Д. В. Иванов // Философия науки и техники. — 2019. — Т. 24. — № 2. — С. 33–42. — DOI: 10.21146/2413-9084-2019-24-2-33-42. — EDN: BLWNUG.
14. Латур, Б. Почему критика выдохлась? От фактов к вопросам, вызывающим озабоченность / Б. Латур // Логос. — 2023. — № 5. — С. 29–64. — DOI: 10.17323/0869-5377-2023-5-29-61. — EDN: GEYIRG.
15. Ло, Д. Технология и гетерогенная инженерия: случай португальской экспансии / Д. Ло // Логос. — 2018. — № 5. — С. 169–202. — DOI: 10.22394/0869-5377-2018-5-169-199. — EDN: YLMZPJ.
16. Павлов, А. Критика концепции надзорного капитализма / А. Павлов // Логос. — 2025. — Т. 35. — № 4. — С. 197–228. — DOI: 10.17323/0869-5377-2025-4-197-225. — EDN: BAEDKT.
17. Симонова, О. Эмоциональная разметка психотерапевтической культуры: императив, идейные противоречия, линии анализа / О. Симонова // Журнал исследований социальной политики. — 2024. — Том 22. — № 1. — С. 7–24. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24. — EDN: LREYWI.
18. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко — СПб.: A-cad, 1994 — ISBN 5-85962-021-7.
19. Фуко, М. О генеалогии этики: обзор текущей работы / М. Фуко // Логос. — 2008. — № 2. — С. 143–144. — EDN: TJLKDR.
20. Фуко, М. Технологии себя / М. Фуко // Логос. — 2008. — № 2. — С. 96–122. — EDN: TJLKCX.
21. Amouroux, R. Historicizing “therapeutic culture”. Towards a material and polycentric history of psychologization / R. Amouroux, L. Gerber, C. Jaccard, M. Aronov // Journal of the History of the Behavioral Sciences. — 2023. — No 59 (3). — P. 237–245. — DOI: 10.1002/jhbs.22273. — EDN: ELEFLM.
22. Coopman, C. How We Became Our Data: A Genealogy of the Informational Person / C. Coopman — University of Chicago Press, 2019. — ISBN: 9780226626611.
23. Coopman, C. Human-Data Coupling: Informational Personhood & Artificial Intelligence Through Gilbert Simondon's Philosophy of Technology / C. Coopman // Social Epistemology. — 2025. — Vol. 39. — P. 1–12. — DOI: 10.1080/02691728.2025.2466162.
24. Ewald, F. The Return of Descartes's Malicious Demon: An Outline of a Philosophy of Precaution / F. Ewald // Embracing Risk: The Changing Culture of Insurance and Responsibility / Baker T., Simon J. (eds.). — Chicago, IL: Chicago University Press, 2001. — P. 273–301.
25. Hutchins, E. Cognition in the Wild / E. Hutchins. — Cambridge, MA: The MIT Press, 1995. — ISBN: 9780262581462.
26. Nandy, A. The twentieth century: the ambivalent homecoming of homo psychologicus / A. Nandy // Hitotsubashi journal of social studies. — 2001. — Vol. 33. — № 1. — P. 21–33.
27. Rose, N. Neuro: The New Brain Sciences and the Management of the Mind / N. Rose, J.M. Abi-Rached. — Princeton: Princeton University Press, 2013. — ISBN: 9781400846337.
28. Vidal, F. Being Brains: Making the Cerebral Subject / F. Vidal, F. Ortega. — New York: Fordham University Press, 2017. — ISBN: 978-0-8232-7607-3.
29. Who comes after the subject? / E. Cadava, P. Connor, J.-L. Nancy (eds.). — New York: Routledge, 1991. — ISBN: 9780415903608.

REFERENCES

1. Alymov, S.S. (2018) “Activating the Human Factor”: The Late-Soviet Roots of Neoliberal Subjectivity? Forum for Anthropology and Culture, no. 37, p. 53–92. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-37-54-92>. <https://elibrary.ru/xqvtjz>.
2. Afanasov, N. (2023) Accelerated reflexivity — depressed sociality. Logos, vol. 33, no. 6, p. 1–27. <https://doi.org/10.17323/0869-5377-2023-6-1-25>. <https://elibrary.ru/rvutfi>.
3. Bateson G. (2000) The cybernetics of “self”: A theory of alcoholism. Steps to an Ecology of Mind. Moscow, Smysl. ISBN: 5-93409-005-7.
4. Vidal, F. (2020) Brainhood, anthropological figure of modernity. Sociology of Power, vol. 32, no. 2, p. 208–247. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-2-208-247>. <https://elibrary.ru/fmbvui>.
5. Volkov, V.V., Kharkhordin, O.V. (2008) Theory of practice. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg, 297 p. ISBN: 978-5-94380-078-8. <https://elibrary.ru/ywcdgg>.

6. Groys, B. (2006) *Under Suspicion: A Phenomenology of Media*. Moscow, Art Magazine. ISBN: 5901116143.
7. Dardo, P., Laval, C. (2011) Neoliberalism and capitalist subjectivation. *Logos*, no. 1, p. 103–117. <https://elibrary.ru/rkkuao>.
8. Daston, L., Galison P. (2018) *Objectivity*. Moscow, New Literary Observation. ISBN: 978-5-4448-0932-7. <https://elibrary.ru/pixkty>.
9. Descartes, R. (1994) *Meditations on first philosophy*. Works in 2 volumes, vol. 2. Moscow, Mysl.
10. Derrida, J., Nancy, J.-L. (2021) Who comes after the subject. *Moscow Art Magazine*, no. 115. p. 12–33.
11. Dmitriev, T.A. (2007) The problem of methodical doubt in the philosophy of Rene Descartes. Moscow: IF RAN ISBN: 978-5-9540-0064-1. <https://elibrary.ru/ryrybl>.
12. Dudenkova, I. (2021) An unoccupied place: theoretical emulations of the subject. *Logos*, vol. 31, no. 3, p. 39–48. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-3-39-47>. <https://elibrary.ru/gaxgrh>.
13. Ivanov, D.V. (2019) Externalism and the theory of extended mind. *Philosophy of Science and Technology*, vol. 24, no. 2, p. 33–42. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-2-33-42>. <https://elibrary.ru/blwnug>.
14. Latour, B. (2023) Why Has Critique Run Out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Logos*, vol. 33, no. 5, pp. 29–64. <https://doi.org/10.17323/0869-5377-2023-5-29-61>. <https://elibrary.ru/geyirg>.
15. Law, J. (2018) Technology and Heterogeneous Engineering: The Case of Portuguese Expansion. *Logos*, vol. 28, no. 5, pp. 169–202. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2018-5-169-199>. <https://elibrary.ru/ymzjfj>.
16. Pavlov A. (2025) Critique of Surveillance Capitalism. *Logos*, vol. 35, no 4, pp. 197–228. <https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-4-197-225>. <https://elibrary.ru/baedkt>.
17. Simonova, O. (2024) The emotional markup of psychotherapeutic culture: imperatives, ideational contradictions, and lines of analysis. *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 22, no 1, p. 7–24. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-1-7-24>. <https://elibrary.ru/lreywi>.
18. Foucault, M. (1994) *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. Saint-Petersburg, A-cad. ISBN 5-85962-021-7.
19. Foucault, M. (2008) On the Genealogy of Ethics: An Overview of Work in Progress. *Logos*, no. 2, p. 143–144. <https://elibrary.ru/tjlkdr>.
20. Foucault, M. (2008) *Technologies of the Self*. *Logos*, no. 2, p. 96–122. <https://elibrary.ru/tjlkcx>.
21. Amouroux, R., Gerber, L., Jaccard, C., Aronov, M. (2023) Historicizing “therapeutic culture”. Towards a material and polycentric history of psychologization / R. Amouroux, L. Gerber, C. Jaccard, M. Aronov // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, vol. 59, no. 3, p. 237–245. <https://doi.org/10.1002/jhbs.22273>. <https://elibrary.ru/eleflm>.
22. Coopman, C. (2019) *How We Became Our Data: A Genealogy of the Informational Person*. University of Chicago Press. ISBN: 9780226626611.
23. Coopman, C. (2025) Human-Data Coupling: Informational Personhood & Artificial Intelligence Through Gilbert Simondon's Philosophy of Technology. *Social Epistemology*, vol. 39, p. 1–12. <https://doi.org/10.1080/02691728.2025.2466162>.
24. Ewald, F. (2001) *The Return of Descartes's Malicious Demon: An Outline of a Philosophy of Precaution*. Embracing Risk: The Changing Culture of Insurance and Responsibility / Baker T., Simon J. (eds.). Chicago, IL: Chicago University Press, p. 273–301.
25. Hutchins, E. (1995) *Cognition in the Wild*. Cambridge, MA: The MIT Press. ISBN: 9780262581462.
26. Nandy, A. (2001) The twentieth century: the ambivalent homecoming of homo psychologicus. *Hitotsubashi journal of social studies*, vol. 33, no. 1, p. 21–33.
27. Rose, N., Abi-Rached, J.M. (2013) *Neuro: The New Brain Sciences and the Management of the Mind*. Princeton: Princeton University Press. ISBN: 9781400846337. <https://elibrary.ru/wnqvfr>.
28. Vidal, F., Ortega, F. (2017) *Being Brains: Making the Cerebral Subject*. New York: Fordham University Press. ISBN: 978-0-8232-7607-3. <https://elibrary.ru/ydqpwx>.
29. Who comes after the subject? / E. Cadava, P. Connor, J.-L. Nancy (eds.). New York: Routledge, 1991. ISBN: 9780415903608.

For citing: Pisarev, A. A. (2026) Self-prohibition in the context of subjectification: man, technology, and the malevolent genius. *Sotsium i vlast/Society and Power*, 23 (1), pp. 9–21. <https://elibrary.ru/xysmjп>.

SCIENTIFIC ARTICLE

EDN XYSMJP

HAC (Higher Attestation Commission) 5.7.7

UDC 130.2

**SELF-PROHIBITION
IN THE CONTEXT
OF SUBJECTIFICATION:
MAN, TECHNOLOGY,
AND THE MALEVOLENT GE-
NIUS**

Aleksander A. Pisarev,

Institute of Philosophy, Russian Academy
of Sciences,

Junior Research Fellow,

Moscow, Russia.

SPIN 9892-1453

ORCID 0000-0003-4261-1275

Scopus 57194016344

Researcher 5438-2018

E-mail: alex-pisarev@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyzes the self-prohibition mechanism for loans and credits, introduced in Russia in 2025, as an element of subjectification. The introduction outlines a recent shift in the history of the concept of the subject, associated with the shift of its problematic to an interdisciplinary field at the intersection of philosophy, social science, and the history of science. The author briefly characterizes the approach used here to study the subject. It is understood as a historical formation realized by individuals in practices and knowledge. The researchers focus on subjectification as the formation of the subject and various models of the subject, reconstructed using empirical material. The author proceeds from the assumption that self-prohibition can function as an element of such subjectification. The main section provides a brief description of the self-prohibition mechanism, introduced as a means of combating cyberfraud, and cites the reasons for this situation, primarily the high level of digitalization of financial processes and the availability of

databases. In a first approximation, self-prohibition is intended to create subjects who are responsible for their well-being and make conscious decisions. This mechanism is then compared with the epistemic virtue of mechanical objectivity. It is shown that in both cases, there is a mistrust of the subject, a renunciation of will, and recourse to technology to resolve an ethical problem. However, in the case of self-prohibition, there is no self-improvement, and doubt is directed both inward, at the subject's ability to recognize the threat of cyberfraud, and outward, at the media and the situation as a whole. This doubt is conceptualized using media-ontological suspicion (B. Groys), the figure of the malevolent genius (Descartes), and the precautionary principle (F. Ewald). Self-prohibition is shown to function as an ethical tool of self-help and self-regulation, allowing one to regain control over one's life. Moreover, the subject should be understood in terms of distribution or network, since with the adoption of self-prohibition, it, as a technical and managerial structure, becomes a functional part of the subject.

KEYWORDS

subjectivation,
ethics,
self-prohibition,
cyberfraud,
subject,
human,
technology,
data

CONFLICT OF INTEREST

The author declares that there is no conflict of interest.

USE OF AI TOOLS

The author declares that no generative artificial intelligence tools were used while writing the article.

Article received: 30.11.2025

Reviews received: 26.01.2026

Accepted for publication: 10.02.2026

Copyright: © Pisarev A. A. (2026).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-N